

Противопоставление русским татар проведено чрезвычайно прямолинейно. Мамай рисуется автором „Сказания“ в резко отрицательных тонах. Образ этот строится как антитеза Дмитрию Донскому. Если за Дмитрием, за всеми его поступками и делами стоит бог, то за Мамаем — дьявол: „От навождения дьявола вздвижес княз от вѣсточныа страны, имянем Мамай... И начать подстрекати его дьявол“. В отличие от великого князя московского, Мамай наделен непомерной гордостью и „высокоумием“.

В таком же прямолинейном противопоставлении русским воинам изображается военная сила врага. Если русские воины накануне битвы укрепляются в своем решении насмерть биться с „погаными“, то татары омрачаются, думая о предстоящем бое. Даже ночь накануне боя кажется иной русским и их врагам: „Поистине бо рече пророк: ночь не светла неверным, а верным просвещена“. Перед боем „начаша гласи трубнии обоих плѣков сниматися: татарьскыя ж трубы яко онемеша, а русские трубы паче утврѣдишася“.

Гораздо сложнее обстоит дело с изображением в памятнике изменников, присоединившихся к Мамаю, чтобы вместе с ним выступить против московского князя. Они тоже противопоставляются Дмитрию Донскому, но не так прямолинейно, как Мамай. Автор уделяет им гораздо больше внимания в своем рассказе, чем Мамаю и татарам вообще.

Отношение „Сказания о Мамаевом побоище“ к Олегу рязанскому отличается от той оценки этого князя, которую ему дает „Летописная повесть“. В „Летописной повести“ Олег рязанский называется „льстивым сотоньщиком“, „дьяволим советником“, „лукавым сыном“, „душегубивым Олгом“, врагом, изменником, отступником, Иудой-предателем. В „Сказании“ мы не видим столь резкого и гневного осуждения Олега рязанского; здесь отношение к нему более спокойное. Автор „Сказания“ также считает рязанского князя изменником и предателем и называет его однажды „Святополком новым“, но в тоне, в характере изображения этого князя чувствуется скорее насмешка и пренебрежительное отношение к нему. Основная мысль, которая проходит через все авторские восклицания и характеристики, даваемые им рязанскому князю, заключается в подчеркивании скудоумия Олега рязанского: „Скудость же бысть ума в главе его“, „умысливши своим худым умом“ и т. п.

„Сказание“ писалось в то время, когда между московскими и рязанскими князьями установились прочные дружественные отношения. Олег рязанский к тому времени умер, и у автора „Сказания“ уже не было столь острого неприязненного чувства к нему, как у автора „Летописной повести“; поэтому он так сдержан и спокоен в даваемых Олегу рязанскому отрицательных эпитетах. Автор „Сказания“ отмечает, что Олег — изменник, предатель общерусского дела, но эта измена рязанского князя затрагивает и волнует его, в отличие от автора „Летописной повести“, уже не столько как реальный факт, сколько как пример нарушения вассальной верности великому князю московскому. Автор „Сказания“ показывает, что Олег рязанский просчитался и оказался благодаря своей измене в невыгодном положении даже с точки зрения интересов своего княжества.

Сначала Олег замышляет только против Дмитрия, думая присоединить к своему княжеству княжество Московское, а не против всей Русской земли. Он даже надеется, что и воевать-то ему против Дмитрия не придется, так как великий князь московский сам убежит из Москвы, и тогда он, Олег, вместе с литовским князем разделат Мос-